

Первая часть

А. Ф. Мерзляков

"Россияда". Поэма эпическая г-на Хераскова

(Письмо к другу)

Литературная критика 1800--1820-х годов. / Составитель, примеч. и подготовка текста Л. Г. Фризмана. -- М.: "Художественная литература", 1980.

OCR Бычков М. Н.

Как тебе угодно, любезный друг, а я не могу расстаться с моим почтенным, знаменитым Херасковым! Поэма его, заключающая в себе одно из важнейших происшествий в бытописаниях нашего отечества, происшествие, которое, по всей справедливости, должно быть почитаемо основою того величия, до которого впоследствии времени достигла Россия,-- сия поэма, говорю, знамение нашей славы, заслуживает, по требованиям самого патриотизма, гораздо более, нежели те похвалы, которые воспевают ей в каждом доме наш Клеон, признающий все то священным, чего он не понимает, или наш Дамет, которого ленивая душа живет чужими мыслями и говорит чужими словами, или, наконец, наш самолюбивый Трисотин, стихотворец, который ополчается против разбора всех авторов, не из любви к ним, а из боязни, чтобы не дошла очередь и до него. Напрасный страх! этот бедняк может навсегда остаться покойным. Поэма Хераскова заслуживает, чтобы на нее обратили особенное внимание, потому, как я сказал, что она есть зеркало, в котором представляются знаменитые деяния предков наших, назидательные примеры великодушия, мудрости, храбрости, терпения, любви отечественной, изображенные живописною, важною кистью истинного россиянина и друга человечества; потому что она может быть всегда полезным училищем для потомков, которые, шествуя по следам прадедов, и ныне бессмертное мщенье и торжество Москвы столь величественно и благодетельно совершили на стогах униженного Парижа... Это с одной стороны... а с другой -- стихотворцы понимают меня! -- завидное приобретение в словесности иметь свою эпическую поэму оригинальную и притом так рано! (ибо сие чадо опыта, науки, чрезвычайных усилий зависит некоторым образом не от одного гения, но также от медленных успехов образованности народной); иметь и не заниматься, не хвалиться ею? Кто ж ее не хвалит? -- скажут в ответ некоторые из так называемых страстных любителей словесности. Милостивые государи! Конечно, вы хвалите поэму. Но где разобраны красоты и недостатки ее? где определено истинное достоинство того, что вы хвалите? Такое почитание, с позволения вашего сказать, похоже немного на то, которое питают китайские мандарины к старым своим книгам. Из какой-то особенной набожности запрещено к ним прикасаться; они остаются на съедение мышам и червям! Не так принимаемы были знаменитейшие стихотворцы в других землях своими соотечественниками! Каждое необыкновенное в словесности явление обращало на себя внимание всего народа, который славу ученого почитал своею собственною славою и точно так же гордился его именем и делами, как он гордился именем и делами своих героев. Возьмем примеры недалеко -- от сих же самых французов, которые всегда желали иметь вредное влияние на все почти отрасли национальной нашей чести. О, как они радовались, когда у них показалась эпическая поэма "Генриада"!¹ Сколько усилий употреблено было для того, чтобы ввести ее в малое число поэм эпических? Сколько знаменитых мужей писало и *pro* и *contra*? Представь потом благородную гордость англичан, хвалящихся поэмою Мильтона, воскрешенного Аддисоном

"Cedite Romani scriptores, cedite Graii" {*}², --

{* Уйдите, римские писатели, уйдите, греческие (лат.). -- Ред.}

восклидал Аддисон. Он раскрыл, показал, раздробил творение Мильтона, и Англия украсила чело свое новым бессмертным перлом славы, драгоценнейшим, нежели те, которыми наделяют ее обе Индии³.

Что сказать о Камознсе? В бурях несчастья сей, так прозванный своими соотечественниками, князь стихотворцев, наслаждался совершенным уважением своего века. Сие уважение оказывается тогда, когда ученые и публика судят о сочинении, ибо странное молчание и холодность читателей значат более презрение, нежели уважение. Что сказать о Клопштоке? Едва явилось в свет его бессмертное творение, тотчас обратили на него все наблюдательные, испытующие взоры. Знаменитые мужи: Крамер, Зульцер,